ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МУЖЧИНЫ

Александр Шакилов

SHOUT
SHARE
IT

- Александр Шакилов

Александр Шакилов

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МУЖЧИНЫ

Сына, это всё для тебя. Всё-всё для тебя. Ты не подумай, отец не забыл о дне рождения: ты уже большой, тебе шестнадцать. Ты – настоящий мужчина. Почти. Да-да, почти. А вот когда любимый папочка вернётся домой, то…

Если вернётся.

Ты не подумай, сына, не подумай…

Я – ради тебя. …и себя тоже.

***

Люди Гюнтера, твари с нашивками-эдельвейсами на рукавах, преследуют меня уже более трёх часов. Сто восемьдесят минут напряжённой гонки по заснеженным вертикалям небоскрёбов. Сто восемьдесят минут охоты на меня, бывшего друга, а теперь – ронина и вора.

Я выбрал между сыном и дружбой-долгом.

Выбрал сына.

Выбрал себя.

Три часа… Хвала древним инженерам-разработчикам, термобельё справляется с нагрузкой. Бесшовные носки предохраняют стопы от микроударов и вибрации. На мне прапрадедовская флиска. Всё моё обмундирование – наследство, передаваемое по мужской линии из поколения в поколение.

Сам я встал на лыжи всего семнадцать лет назад, когда мой отец… Не надо о грустном. Я собираюсь нарушить традицию.

Ледоруб врезается в стену возле правого ботинка. Тросик, приваренный к ручке, дёргается, возвращая метательный инструмент владельцу. Я резко изменяю траекторию спуска и подгибаю ноги, рискуя вписаться кровавой буквой в какую-нибудь допотопную вывеску, вроде "Кафе" или "Ресторан". Я буду свеженьким бифштексом, ха-ха, на празднике жизни далёких предков.

Или не буду.

Ибо не желаю.

***

…сегодня слишком холодно: ни единого пуховика возле остановок кресельных маршруток и гондол, а ведь обычно не протолкнуться. Те, у кого нет лыж, – низшие существа, бесправные и презренные, вынужденные передвигаться на общественном транспорте.

Вход в мою нынешнюю нору замаскирован голограммой – с виду обычный, ничем не примечательный сугроб. К тому же, никто не знает, куда я переехал. Наверное, я чувствовал, что ТАК случится, поэтому и заранее позаботился о новом убежище для семьи. Скрытая виртуальным завалом Мирра стоит у внешнего контура и кутается в широкий шарф; блестят льдинки в соболином воротнике:

– Санечка, что ты задумал? Санечка?

Я улыбаюсь в ответ, губы намазаны густой пастой, жирной и приторной на вкус. Я цепляюсь за трос бугеля.

Санечка… Обычно жена называет меня Алексом. Санечка… Мирра испугана.

Бывает.

Пройдёт.

***

Горизонталь крыши огромного небоскрёба, название которого забыто за ненадобностью. Небоскрёбы – не более чем детали местности, особенности рельефа. Да, когда-то люди жили в высотках, но не сейчас. Крыша – ледяная поверхность, избитая всеми ветрами; здесь совершенно нет снега, его просто сдувает. Я разгоняюсь коньком, рассчитывая перепрыгнуть на следующую такую же плоскость. Не тут-то было. Высокий, как потревоженный гризли, парень атакует меня в лоб, он выделывает неимоверные пируэты, он сечёт морозный воздух острыми кантами – я еле уворачиваюсь, и то лишь потому, что "гризли" играет со мной, проще говоря, развлекается. Он – настоящий самурай.

Амортизаторы, встроенные в лыжи, подбрасывают мощное тело в воздух, руки-ноги в стороны, лыжи параллельны и

перпендикулярны груди.

Уподобившись вертолёту, "гризли" вращается вокруг своей вертикальной оси, он взлетает, угрожая кромками измолоть меня в фарш, в костную муку.

Опять прыжок – и удар: правая нога вперёд, левая назад и вверх.

Да уж, не повезло мне, нарвался на мастера фристайл-боя. Замечаю на груди у "мишки" вышивку люминесцентными нитками: "Тоби". Скорее всего, имя. Итак, меня желает убить Тоби – знаток могула и ньюскула. Эй, Тоби, мы не представлены, я впервые увидел тебя сегодня на празднике у Гюнтера. Но почему-то я знаю, что тебе вот-вот надоест мучить живую игрушку, меня то есть.

Уже надоело: полное переднее сальто. Да так чтобы носками лыж мне в грудь, а титановыми палками в горло. Ухожу в сторону, изгибаясь боковым сальто и слегка цепляя задником шлем самурая Тоби – приблизительно у виска.

На крышу падаем вместе.

Я и труп "гризли".

Да, забыл сказать: у меня восьмой дан по фристайл-до.

***

…погода солнечная, ясная, мороз. Снег ослепительно бел, небо кристально голубое. И тысячи промаркированных трасс, и сотни подъемников. Спуски для молодых, для новичков, невероятно зелёные, как хвоя кедров и секвой. Синие трассы – для тех, кто на лыжах не меньше года. Рядом красная маркировка. Чёрные трассы – эти для меня, для опытного лыжника, обладающего максимумом прав и обязанностей.

А для безлыжного быдла есть внутренние лифты небоскрёбов и снегоходы на воздушных подушках. Пускай пользуются, не жалко.

А мне надо успеть в гости к дорогому Гюнтеру. Сегодня у моего закадычного дружка-командира особый день – он передаёт сыну лыжи, вторую семейную пару. Отныне его лоботряс Кари будет настоящим мужчиной и полноправным гражданином.

Немного о Кари. Щуплый, жидкие волосёнки, близорукие глазки. Не воин.

Зато мой мальчик: высокий, стройный, сильный и ловкий. Умён. И у него сегодня день рождения. Я решил сделать ему

особый подарок.

Я решил подарить ему лыжи Кари.

Прости меня, Гюнтер. Прости, дружище.

***

Весь мир – огромный сноупарк. Все мы, настоящие люди, состоим из абсолютного контроля: мы контролируем скорость и баланс движений.

Я – контроль. Я – баланс.

Отталкиваюсь от края парапета, распрямляю ноги, напрягаю мышцы. Я в воздухе. Обжигающе холодные встречные потоки пытаются опрокинуть меня. Позади – погоня.

Группируюсь, приземляюсь, пружиню лодыжками. Длинный чехол с подарком болтается за спиной, почти не мешает. Почти – не считается.

Из-за ангара воздухозаборника, растопырив когти-кинжалы, атакует белая тварь. Только снежных барсов мне и не хватает! Не останавливаясь, шлёпаю киску палкой между ушей – плашмя, чтобы не убить, но раздразнить. Пусть мои преследователи позабавятся с симпатичным котёнком, таким ласковым и пушистым.

Смертельно пушистым.

Противно вибрирует трансивер, вживленный в челюсть: стандартные три диапазона, термоядерная микробатарейка в зубе мудрости.

– Алекс, что ж ты?!.. Что ж ты, Алекс?!..

Оптика заднего обзора проецирует на внутренний экран маски приятное зрелище: одного из бойцов Гюнтера кошка таки достала. Замечательно. Теперь их всего лишь пятеро. Дай боже, справлюсь.

Десяток лыжных палок одновременно пятнают алым спину барса.

– Алекс, что ж ты?!..

Прости меня, Гюнтер. Но я слишком люблю снег, я не хочу умирать.

***

…я проснулся оттого, что сын подкрадывался в темноте. Он боялся промазать, и потому решился подойти как можно ближе – победитовый наконечник лыжной палки хищно подрагивал в невнятном свете ночника.

Я резко вскочил, остриё едва не проткнуло мне диафрагму. Почти. Ибо я умею избегать глупой смерти, я самурай – на рукаве моей куртки красуется нашивка: цветущий эдельвейс, отличительный знак клана Мизуно.

Я вырвал палку из рук родного сына. Я был так взбешён, что, чуть было, не задушил его темляком, я даже хотел насадить юное тело на стержень, но… Я вспомнил себя, я был таким же когда-то, очень давно – семнадцать лет назад.

– Джи, – сказал я сыну, – ты хочешь стать мужчиной?

– Да, – ответил сын. – Хочу.

– Время пришло? – спросил я, и голос мой задрожал, во рту пересохло.

– Пришло, отец, – Джи присел на край пластиковой циновки, чинно сложив руки на коленях и потупив взор. – Я не хотел, я сам… но… Ты вынуждаешь меня, отец.

– Нет!! – закричал я, разбудив Мирру. – Нет!! Мы сделаем иначе!! …утром я надел термобельё, защиту, брюки и куртку. Шлем и маску. Извлёк из чехла лыжи, снял палки с подставки. Проверил крепления, затянул потуже ботинки.

И вышел из норы.

– Санечка, что ты задумал? Санечка? – заплакала жена, и слёзы её превратились в льдинки и осыпались на соболиный воротник комбинезона.

Я не ответил, я улыбнулся, встал на лыжи. На рукаве моей куртки следы от споротой нашивки. Ещё вчера там цвёл эдельвейс.

***

Торсионная жесткость и продольная мягкость, широкие пятки и носки, система виброгашения и палладиевые канты – великолепный дизайн! – это мои лыжи, моя мужская гордость. Моё наследство.

Уже три часа я петляю по городу, я – заяц-беляк. Позади волки. Нет, позади тигры. Волкам заяц – пища, тиграм – жертва, кусок мяса, отравленного радиацией.

Гюнтер, я уверен, сразу же отправил лучших буси к моей старой норе. О, как, должно быть, он разочарован. Кровь за кровь, семья предателя должна умереть, да только убежище пустует пару месяцев и промёрзло насквозь. Так уж получилось, я забыл предупредить командира о передислокации.

Я – ронин.

Я оставляю чёткие следы на снегу, я прыгаю с крыши на крышу, я спускаюсь на лыжах по вертикальным стенам небоскрёбов. Я не боюсь бетонных ущелий промзоны, разрушенной ядерными взрывами, я ныряю в цеха заводов, захламлённые станками и мумифицированными трупами рабочих. Мне плевать на счётчик Гейгера.

Ещё мгновение назад преследователей было всего лишь пятеро. А теперь… Да, Гюнтер, всегда был отличным стратегом, он смог вычислить мои петли и послал самураев наперерез.

Ты угадал, Гюнтер.

Но я не хочу умирать.

Граница промзоны, спасение так близко, и…

Фигуры в чёрных куртках. Передо мной. И за мной. Некуда бежать. Резкая дуга, ледяная пыль из-под кантов. Вот оно, моё спасение! Цепляясь вакуумными присосками наколенников, я карабкаюсь на самую высокую, чудом уцелевшую, трубу. Я подставляю вам спину, ребята, воспользуйтесь, не стесняйтесь.

И они не стесняются.

Ледорубы крошат цемент стыков буквально в миллиметрах от моих конечностей, лыжные палки-дротики тупят победит наконечников о кирпичи кладки.

Резкий окрик – далеко внизу, почти неслышный:

– Нет! Пусть!

Это Гюнтер. Он уверен: мне не уйти. Он желает насладиться местью.

***

…я пришёл в убежище Гюнтера как друг. Мне были рады, меня ждали, меня встречали шнапсом и сакэ. Перед внешним контуром я снял куртку, чтоб никто не заметил отсутствие кланового знака.

– Алекс, ты так спешишь причаститься, что даже разделся на улице?! – они смеются, они уже пьяны.

И я смеюсь, я пью и не пьянею. У меня есть цель. Я вижу

водонепроницаемый чехол. Я вижу лыжные палки. Я вижу рюкзак с обмундированием.

– Здравствуйте, дядя Алекс! – у Кари даже голос слабый, невыразительный.

– Здравствуй, Кари! Поздравляю, сегодня твой день! Сегодня в клане Мизуно родится новый мужчина!

Кари доволен, Кари смеётся и треплет меня за плечо. Хочется брезгливо сбросить его ладошку. Сдерживаюсь, улыбаюсь. Опрокидываю в рот стаканчик теплой бурды, синтезированной из искусственного риса и аскорбиновой кислоты.

Самураи веселятся. Воины Гюнтера произносят длинные тосты, по лицам течёт пот, впитываясь в густые бороды. А потом мы, пошатываясь, покидаем убежище. На мою куртку никто не обращает внимания, это хорошо, незачем прежде времени тревожить лучших буси клана.

Торжественная тишина. Пар над разгорячёнными телами. Кари опускается на колени, он намерен расстегнуть чехол и медленно – величественно! – извлечь лыжи.

Кари намерен, хе-хе.

Но у меня другие планы.

У меня есть древний АПС, и в магазине двадцать патронов. Я знаю, хранить Огнестрельное Оружие – святотатство, но…

Грохот, пламя.

Кари умирает быстро. Мальчик, прости, я не желал тебе зла.

Буси падают, я жму на спусковой крючок, я подхватываю чехол, закидываю за спину, цепляю карабинами палки, рюкзак – на грудь.

Всё оказывается проще, чем я думал. Лыжи несут меня вниз по улице, впереди огромное здание. Врубаю режим вертикального подъёма: лыжи без остановки, плавно, накатывают на бетонную стену. Скользяк плотно прилегает к стеклу и бетону, навигатор "хамелеона" сканирует поверхность в радиусе тридцати метров, определяя наиболее оптимальный маршрут. Кое-где вместо зеркальных окон – алюминиевые рамы, покорёженные, изогнутые. Внутри здания, некогда штаб-квартиры транспланетной корпорации, – заснеженные компьютеры и укрытые инеем офисные стулья. Моё тело параллельно стене, я ритмично напрягаю икры, заодно активируя искусственные мышцы, прикреплённые белковым клеем к экзоскелету защиты.

Крыша небоскрёба стремительно приближается.

Я – ронин. Я – убийца.

Меня преследуют.

***

– Нет! Пусть!

Окружили. Довольны. Небось, кровожадно скалятся. И деваться мне некуда. Почти некуда. И потому я покоряю эту чёртову трубу, я ползу, ползу, хлюпают присоски, ползу, и вот я наверху. Я знаю, никто не осмелится подняться за мной, ибо самоубийц-камикадзе нет в команде Гюнтера. Гюнтер слишком ценит своих буси, чтобы зазря тратить их жизни.

Я стою на самом краю, выщербленном ударной волной.

Я присоединяю мощные аккумуляторы к амортизаторам-прыгунцам. Конечно, я рискую сжечь накопители лыж, но у меня нет иного выхода. Если честно, хе-хе, я предполагал, что подобное может случиться.

Солнце падает на крыши мегаполиса, исчезает, меркнет. Багрянец горизонта прячется за пиками небоскрёбов-гор.

Я резко приседаю и отталкиваюсь от края трубы. Амортизаторы, как всегда, врубаются чётко и мгновенно – меня отшвыривает метров на пятьдесят восточнее. Мои лыжи парят в морозном воздухе. Я – птица, я – альбатрос.

Падаю в сотне шагов от заветного сугроба, того самого, виртуального. Прыгунцы смягчают удар, дымятся, и я не уверен, что их можно отремонтировать. Так никто не прыгает. Я – единственный. Чем не повод для гордости?..

Жаль, мне не удалось запутать погоню, отвести преследователей от нового убежища, но что поделаешь. В конце концов, я и это предусмотрел. Есть, хе-хе, один вариантик: подземный тоннель…

Только бы добраться…

Дззз-зы-тчч!! – фиберглассовый Axis Comp, великолепный шлем, спасает меня от смерти: сюрикен рикошетит, впиваясь нанолезвием в бетон полуразрушенной стены. Повезло. Повезло, что не в череп. Зато вторая "звёздочка" прорубает высокопрочную ткань штанишек, рассекая мясо до кости. Только до кости – это видно на внутреннем экране "хамелеона". Медсистема мгновенно выдаёт диагноз и оказывает первую помощь: впрыскивает обезболивающее. Сейчас трансивер автоматически наберёт 911 и сообщит, что, мол, такому-то, а именно, Алексу Иванову, срочно требуется внимание квалифицированных хирургов, шаманов и мануалотерапевтов. Трансивер врубит маячок наведения на цель, тобишь на меня родимого. Заодно система жизнеобеспечения заблокирует скользяк и зафиксирует экзоскелет и псевдомышцы в "мёртвом" положении – дабы больной не смог двигаться,

усугубляя внутренние и наружные повреждения.

И всё.

Мне каюк. Если я не успею провести языком по нёбу определённым образом – справа налево, вверх вниз и наискось. А я успеваю, вырубаю чёртов трансивер к… чёрту?!

Короче, вырубаю.

Нога не болит – уже хорошо. Мне же чуть-чуть осталось, почти дотянул, почти…

Почти не считается.

Ещё один сюрикен срезает головку маркера на левой лыже. Ботинок выскальзывает, нога по самый пах проваливается в глубокий снег – вторая лыжа держит меня, что называется на плаву. Хватаюсь за левую лыжу, моя, не оставлю. Ну же! Чуть-чуть. Чуть-чуть. Почти… почти…

Активирую навигатор, встроенный в шлем. На экране – бегущая строка бесполезной информации: высота над уровнем моря, местонахождение в координатах города – улица Ленина 21, уровень атмосферного давления… Зачем мне всё это?! Сейчас?! Мне нужна опция "автопилот", чтобы лыжи нашли путь домой, протянули моё тело последние полста метров, используя остатки ресурса; ничего, потом поставлю на подзарядку, за месяц, дай боже, восстановятся.

Очередная порция сюрикенов бьёт в спину, срывая пласты композита и алюминиевых сот. Пусть. Я уже дома. Почти. Неимоверная лёгкость…

Напоследок всё-таки оборачиваюсь. Не могу не обернуться. Оптика маски-"хамелеона", задавая двадцатикратное увеличение, натыкается на бешеный взгляд Гюнтера. Бешеный? Или исполненный тоски и боли? Всё-таки нечасто командиру приходится одновременно терять лучшего друга и любимого сына. …пожалуй, если бы Гюнтер захотел, он убил бы меня. Проковырял бы сюрикенами защиту на спине, я не сомневаюсь в этом. Но что-то его остановило. Что?

Я ныряю в голограмму. Я в сугробе. Бронелисты разъезжаются, пропуская меня в нору-убежище. Отсюда, из-под многометровой толщи искусственного камня и стали, меня не выковырять даже господу богу, не то, что парням с эдельвейсами на рукавах.

Мягкое освещение. Это шлюз. Мелкие брызги антисептиков, сквозняк вентиляторов. Падаю. Крепление автоматически отстёгивают ботинок. Вползаю в прихожую, переворачиваюсь на спину, снимаю трофейный рюкзак с обмундированием…

На спину?!..

Чехол?!!

Вскакиваю, судорожно сдираю защиту и куртку, и…

Хохот, истерика, слёзы. Лямки чехла аккуратно срезаны сюрикенами. И это смешно, это очень смешно! …неимоверная лёгкость…

Я потерял лыжи!!

Гюнтер отобрал своё, не дал вору унести украденное. Гюнтер-шутник, Гюнтер-проказник.

Шаги, взволнованное дыхание, запах лаванды.

– Ты… -…как?

Мирра молчит, моя любовь молчит. Не спрашивает, только смотрит на меня. На кровь, стекающую по штанине на мраморный пол. Мирра шевелит ресницами, ей нечего сказать. Мои руки. Всему виной мои пустые руки. Я опоздал на день рождения сына. Уже вечер. Почти ночь.

И я без подарка.

Как я мог.

Я же обещал.

***

Держи, сына, это лыжи. Настоящие. Носи на здоровье.

Ты не подумай, сына, не подумай… Сегодня твой день рождения, отныне ты настоящий мужчина. У меня нет выхода, я не смог, я… …вынужден продолжить традицию, как это сделал мой отец – семнадцать лет назад. Он долго отказывал мне в законном праве, он спорил с матерью, и однажды ночью я прокрался в родительскую спальню. Я не осмелился осквернить лыжную палку, как это сделал ты, мой сын, – я был трусом. Я ударил спящего отца катаной, я метил в голову.

И, конечно, промахнулся.

Отец был настоящим воином. Но, как ни жаль, моей семье принадлежала всего лишь одна пара лыж. Не две, не три – одна!! …наутро отец созвал друзей-однополчан. Он вручил мне КОМПЛЕКТ. Он отдал мне ВСЁ – я получил заветные лыжи. И несколько минут спустя увидел окровавленные кишки отца.

И вот сегодня мне почти удалось обмануть судьбу. Почти не считается.

Или?..

Всё-таки не нож для сэпуку, хе-хе, – в магазине АПСа остался один патрон.

Последний.

Мой.
Прощай, сынок.